

УДК 343.13

Е.В. Брянская

ОБОСНОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИХ ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В современном законодательстве регламентировано правило недопустимости предубеждения в значимости того или иного доказательства, оцениваются доказательства всегда в своей совокупности. Однако, в свете внутреннего убеждения судьи, при оценке доказательств, они придаются иерархии. Предпосылкой придания юридической силы конкретному доказательству выступает его обоснованность.

Ключевые слова: доказательственное право, процесс доказывания, доказательства, источники доказательств, внутреннее убеждение, обоснование доказательств, аргументация.

E.V. Bryanskaya

SUPPORT OF EVIDENCE AND ITS LEGAL VALIDITY IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Contemporary legislation contains the rule that prejudice should be excluded from the value of any evidence, and that the whole body of evidence should always be assessed. However, due to the inner convictions of a judge, the assessment of evidence leads to ranging it into a hierarchy. The prerequisite of giving legal validity to a piece of evidence is its credibility.

Keywords: evidence law, evidentiary process, evidence, sources of evidence, inner conviction, credibility of evidence, argumentation.

Важным элементом доказательственного права выступают виды источников доказательств. Каждый источник доказательств – это законодательный вид доказательств, который имеет важное юридическое значение.

Прежде чем понять сущность иерархии доказательств на уровне внутреннего убеждения судьи, нужно отметить то, что в основе процесса доказывания по уголовному делу заложена теория познания. Любая мыслительная деятельность судьи в первую очередь основывается на познании обстоятельств реальной действительности.

В этой связи обратимся к философии права, в свете которой познание окружающего мира строится на системе выработанных правил, которые систематизированы, упорядочены и образуют собой так называемую гносеологию. Теория познания, или гносеология – раздел философии, в котором изучается природа познания и его возможности, отношение знания к реальности, выявляются условия достоверности и истинности познания. Термин «гносеология» происходит от греческих слов «*gnosis*» – знание и «*logos*» – понятие, т. е. «понятие о знании», «учение о знании» [1, с. 5]. К разновидностям форм отражения реальной действительности относят: познавательное отражение – формирование идеальных образов, знаний о предметах; эмоциональное отражение, имеющее форму специфического личного отношения (эмоции, переживания); отражение в форме сознательных предметных действий [2, с. 23]. В любом случае познание всегда предназначено для получения нового знания, которое всегда основано на отношении человека к действительности и направлено к получению познавательной, имеющей значение к факту деяния, информации.

Конечно, в уголовном судопроизводстве действует правило о том, что ни одно из доказательств не имеет перед судом заранее преимущественной силы, но заметим – заранее, не тогда, когда суд в свете своего внутреннего убеждения выносит приговор на основе исследованных и оцененных доказательств. Оценка строится на четком анализе соответствия доказательств относимости, допустимости, достаточности и достоверности. В результате такой оценки отдельные доказательства порою вообще теряют свою юридическую силу, и в основу приговора суд закладывает те доказательства, которые прошли свою оценку и могут служить аргументом законного приговора.

В этой связи мы решили обратиться к историческим началам, именно с той целью, чтобы разобраться с предпосылками существующей реальности.

В развитии доказательственного права немалый интерес представляет период царствования Петра I. Как раз тогда укреплялась и развивалась система законных доказательств, которая позволяла ограничить судебский произвол, то усмотрение судьи, на основе которого формируется внутреннее убеждение. В 1716 г. в приложении к «Воинскому уставу» – «Кратком изложении процессов» Петр I установил правила инквизиционного (разыскного) процесса. Подчеркнем тот факт, что законодатель устанавливал силу каждого вида доказательств. Однако, была присуща ориентация на теорию формальных доказательств, на основе

которой выстраивалась вся система доказательств. Можно полагать, что теория формальных доказательств «ставит закон так, что подсудимый не зависит от произвола судьи, от его личного безотчетного впечатления. Но прямо от закона судье оставалось только механически взвешивать доказательства объективной, законом данною меркою, и быть простым орудием и исполнителем закона, не принимая ничего на свою совесть» [13, с. 20, 23].

Закон вводил иерархию доказательств, определяя, какие доказательства являются полными. Полным доказательством следовало считать показания о каком-либо факте не менее двух свидетелей. При этом ценность показаний определялась не только содержащимися в них сведениями, но и зависела от личного статуса давшего их лица. Например, в ст. 13 главы 4 части 2 «Краткого изложения ...» было закреплено, что «свидетель мужеска полу паче женска, и знатный паче худого, ученый неученого и духовный светского человека почтен бывает» [7, с. 23].

Доказательства делились на совершенные и несовершенные. Совершенными доказательствами признавались: собственное признание, данное судье добровольно и сходное с происшедшими действиями; письменные доказательства, признанные тем, против кого они предъявлены: грамоты, записи в городских книгах, судейских книгах, купеческие письма, духовные; одинаковые показания двух «имверных» свидетелей, если же показания их друг другу противоречат, значит, берется то, которое вернее. К «негодным» свидетелям относились клятвопреступники, изгнанные из государства, у кого «резаны уши и нос». Свидетель должен присягать. Если не присягает – показаниям нельзя верить. Очижительной присяге придавалось важное значение; личный судебный осмотр и показания сведущих лиц.

Далее представил интерес тот факт, что в России с 1826 г. по 1830 г. создается «Полное собрание законов Российской империи». Этот огромный труд состоял не в изменении законодательства, а в его сборе и систематизации. «Свод законов» являлся в основе сборником феодального крепостнического права. Это подтверждалось вошедшими в него законодательными актами о судопроизводстве и судоустройстве, определявшими бесправное положение личности. Например, суд знакомился с доказательствами по документам предварительного расследования. На их основе канцелярия готовила выписку, которая зачитывалась при рассмотрении дела в судебном заседании.

В качестве доказательств выступали: собственное признание, свидетельские показания, документы, повальный обыск, допрос соседей о поведении подсудимого (ст. 197).

Одно несовершенное доказательство виновности оставляло в подозрении и не могло стать основанием осуждения. «Несколько несовершенных доказательств, совокупно взятых, могут составить совершенное доказательство» (ст. 308). В то же время «одного совершенного доказательства достаточно для признания осуждения несомнительным» (ст. 306). Когда совершенных доказательств не хватало, а улики были налицо, предписывалось оставлять подсудимого просто в подозрении, в более или менее сильном, или отдавать его «под

надежное поручительство в добром впредь поведении, не освобождая его, однако, вовсе от подозрения» (ст. 113). Определялась сила доказательств. Признание подсудимого считалось «лучшим свидетельством всего света» (ст. 316), совершенным доказательством. На основе одного признания можно было вынести приговор, не заботясь о получении иных доказательств (ст. 318). К совершенным доказательствам также относилось свидетельство двух «достоверных свидетелей», дающих согласованные показания (ст. 329). Свидетельства одного считались несовершенным доказательством.

В случае противоречия в показаниях следовало давать преимущество «мужчине перед женщиною, знатному перед незнатным, ученому пред неученым, духовному пред светским» (ст. 335). Подробно расписывались правила оценки доказательств по их силе. Так, ст. 341 подчеркивала, что «улики и признаки в совершении преступления», не соответствующие «совершенному доказательству», возрастают по силе, «когда подсудимый не представит на них никакого уважительного опровержения» [5, с. 14].

Значительное влияние на формирование и модернизацию российского уголовного судопроизводства оказала английская правовая система, которая отличалась достаточно прогрессивными по тому времени правилами. Таким образом, 20 ноября 1864 г. является знаменательной датой в развитии уголовного судопроизводства России, именно тогда состоялось утверждение императором Александром II Устава уголовного судопроизводства. Недостатки организации и деятельности судебной системы, такие как: сословность, зависимость от императора и исполнительной власти, розыскной тип уголовного судопроизводства, в процессе которого позволялось рассматривать уголовные дела на основе письменности, тайности, формальной теории доказательств, явились предпосылками острой потребности в проведении судебной реформы.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. отменялась система формальных доказательств. В России был основан суд присяжных заседателей. Однако И. Я. Фойницкий, который писал в защиту данного института права, полагал, что суд присяжных может быть успешным только при наличии трех факторов: высокого уровня общественной культуры, законности в жизни и правды в законе [11, с. 448]. Впервые в истории права России доказательства оценивались по внутреннему убеждению судей, что имеет место и в настоящее время.

А.Ф. Кони в своих научных трудах справедливо писал о том, что именно свобода внутреннего убеждения перевернула юридическое мировоззрение в России, позволила разрушить бюрократический характер уголовного процесса, сделала его живым и приближенным к потребностям общества. Переход от формальных доказательств к их оценке по внутреннему убеждению сделал возможным воспринимать все разнообразие жизни такой, какая она есть на самом деле, а не уравнивать и упрощать по формальным основаниям [4, с. 187; 3, с. 26].

В Уставе уголовного судопроизводства впервые было дано определение доказательств, в котором был сделан акцент на внутреннем убеждении судьи. Именно поэтому многие дореволюционные авторы в основе процесса доказывания видели внутреннее убеждение судьи. В частности, Я. И. Баршев, С. И. Вик-

торский, Л. Е. Владимиров, В. Д. Спасович, И. Я. Фойницкий полагали, что доказательства являются основанием убеждения судьи о виновности или невиновности подсудимого. Сходной позиции придерживался и В. Случевский, который писал: «Под уголовными доказательствами следует разуметь те фактические данные, на основании которых судья может образовать в себе в отношении преступного посягательства убеждение о событии преступления и виновности совершившего его лица» [10, с. 376]. Мы поддерживаем данное определение доказательств и полагаем, что оно достаточно познавательно для современных правоприменителей, поскольку в свете принципа состязательности сторон внутреннее убеждение выступает основополагающей категорией при исследовании и оценке доказательств в суде.

В Уставе закреплялись следующие виды доказательств: показания подсудимого, свидетельские показания, экспертиза, дознание через «окольных» людей, вещественные доказательства, письменные доказательства. При этом отметим, что показания подсудимого не являлись «царицей доказательств» и оценивались судом по внутреннему убеждению в совокупности с другими доказательствами по делу. Более того, запрещалось применять принуждение при получении показаний подсудимого. В качестве показаний свидетеля преступления воспринимались и те сведения, которые он получил от других известных ему лиц. При этом показания, основанные на слухе, не допускались. В качестве самостоятельного доказательства рассматривалась экспертиза, которая не имела какого-либо преимущественного значения при оценке доказательств в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу. Познавательным является такой вид доказательств, как дознание через «окольных» людей. Содержанием такого доказательства являются сведения, полученные от «окольных» людей, о поведении, образе жизни подсудимого. В суде сведения, полученные от «окольных» людей, заносились в протокол, который являлся доказательством, несмотря на то, что на судебное разбирательство окольные люди не вызывались.

В качестве письменных доказательств выступали различные документы, содержащие определенную информацию, имеющую отношение к уголовному делу. Тем не менее, ни одно письменное доказательство не имело для суда обязательной силы.

Следующим этапом формирования теории доказательств в уголовном процессе стал советский период. В 1917 г. был принят Декрет о суде № 1. Данным Декретом были упразднены вся царская судебная система, судебные установления, судебные следователи, прокурорский надзор, частная и присяжная адвокатура. Однако Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. подтверждал ведение процесса по правилам судебных уставов 1864 г. Следовательно, мы согласны с позицией тех авторов, которые справедливо полагают, что советский процесс доказывания воспринял значительную часть Устава царской России [9, с. 44-45].

Для нас очевидно, что в дореволюционной России придавалось значение внутреннему убеждению судьи и силе отдельных видов доказательств, которые могли иметь более аргументирующее значение для суда по сравнению с другими доказательствами по уголовному делу.

В современном уголовном судопроизводстве актуальна теория аргументации, которая предлагает ряд логических приемов, посредством которых можно повлиять на внутреннее убеждение судьи в аспекте отстаивания и обоснования своей позиции, как равноправной стороны процесса, по уголовному делу в суде. В этой связи С. А. Шейфер писал, что в основе процесса доказывания как логико-психологическое содержание, так и познавательное [12, с. 17]. Ю. К. Орлов также полагал, что в основе процесса доказывания заложены психологический и гносеологический аспекты. Например, это означает, что в психологическом аспекте внутреннее убеждение выражается в уверенности, убежденности в правильности своих выводов. Морально-этическая сторона внутреннего убеждения характеризует действия, поступки, совершенные в соответствии со своими убеждениями, в согласии с самим собой. Гносеологический аспект выражает соответствие или несоответствие убеждения в чем-либо объективной действительности [8, с. 55]. Мы же полагаем, что психолого-логический аспект внутреннего убеждения в первую очередь основывается на гносеологическом факторе. В частности, при вынесении приговора по уголовному делу судья оценивает доказательства, изначально познав все предоставленные аргументы сторон; внутреннее убеждение судьи формируется на основе познания доказательств по уголовному делу. Поэтому мы считаем, что гносеологический аспект является основой, предпосылкой формирования внутреннего убеждения судьи, которое строится посредством аргументирующей силы доказательств.

В этой связи подчеркнем, что еще исторически в России сложилось так, что в основе аргументации заложена идея критического мышления. Смысл заключается в том, что критика открывает путь к развитию мысли. Критика позволяет придать сомнению, казалось бы, очевидные факты, посредством анализа доводов «за и против» предлагаемых позиций по уголовному делу и подвергать эти взгляды, мнения, выводы всесторонней проверке. Например, при признании доказательств недопустимыми. Критический аргументированный процесс получил название критической дискуссии.

Однако, когда мы говорим о силе того или иного доказательства с позиций его убедительности посредством критического мышления, необходимо подчеркнуть, что наибольшую силу может возыметь только то доказательство, которое имеет определенную долю обоснованности.

Обоснование в уголовном судопроизводстве представлено не только с точки зрения теории познания, а находит свои начала и в законах мышления, которые именовались еще Аристотелем «законами доказательства». В основе заложены три знаменитых принципа тождества, противоречия и исключенного третьего. В основе современного принципа состязательности как раз видится принцип противоречия. Данный принцип указывает на недопустимость одновременного утверждения двух суждений, из которых одно положение является прямым отрицанием другого. С логических аспектов данный принцип характеризует особый тип противоположности, исключающий возможность синтеза противоположных сторон [6, с. 146]. Однако, в современных концепциях уголовного судопроизводства все больше преобладает теория компромисса, которая как раз раз-

решает достичь синтеза интересов противоположных сторон, применить медиативные технологии, использовать процессуальные нормы, позволяющие применить и упрощенное судопроизводство.

В свете положений познавательных идей, законов мышления, обоснования, как частности аргументации, каждое доказательство на уровне внутреннего убеждения судьи имеет определенную юридическую силу.

Список использованной литературы

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. – М. : Высшая школа, 1991. – 384 с.
2. Диалектика познания / под ред. А. С. Кармина. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. – 298 с.
3. Козьявин А. А. Категория оценки доказательств по внутреннему убеждению и ее место в научном наследии А. Ф. Кони // Адвокат. практика. – 2014. – № 1. – С. 24–29.
4. Кони А. Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. – Тула : Автограф, 2000. – С. 187–188.
5. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 185 с.
6. Новоселов М. М. Аргументация и непротиворечивость // Мысль и искусство аргументации. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 400 с.
7. Новиков С. А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 231 с.
8. Орлов Ю. К. Внутреннее убеждение при оценке доказательств (правовые аспекты) // Вопр. борьбы с преступностью. – 1981. – Вып. 35. – С. 55-62.
9. Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). – М., 1990. – С. 44–45.
10. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостройство - судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и сипр. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 683 с.
11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб. : Типография т-ва Общественная Польза , 1912. – 579 с.
12. Шейфер С. А. Понятие доказательства как предмет научной дискуссии // Вестн. Ом. ун-та. – Сер. Право. –2008. – № 1 (14). – С. 12-19.
13. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Ленинград: ЛУ, 1976. – 142 с.

Информация об авторе

Брянская Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебного права Юридического института, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, м-рн Университетский, ул. Улан-Баторская, 10; e-mail: veret.1976@mail.ru.

Information about the author

Bryanskaya, Elena V. – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Judicial Law, Law Institute, Irkutsk State University, Ulan-Batorskaya st., 10, Irkutsk; e-mail: veret.1976@mail.ru.